


ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК


ШВАТ-АДАР 5769

ПЕТРОЗАВОДСК
N 127

ФЕВРАЛЬ 2009

Школа ЙОМ РИШОН сегодня



Дети школы



А «мазилка» лучше всех



Муки творчества



Подарок Анне Харченко-
«заочнице» из Чикаго



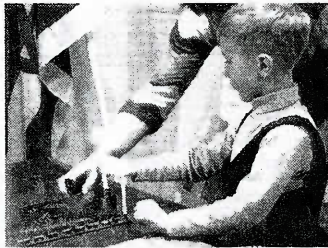
Взрослые дети школы



Людмила Гринберг



Иосиф Гин



Первая ханукальная свеча



Хомячок тоже еврей



БЕСЕДА 8.

Элишева

МОЯ БИОГРАФИЯ¹

Я родилась 20 сентября 1888 года в Рязани. Мой отец, Иван Жирков, сначала был учителем в сельской школе, а затем стал книготорговцем и издателем книг для народных библиотек и школ. Он умер в 1917 году. Моя мать, из семьи осевших в Москве англичан, умерла, когда мне было три года. Я воспитывалась в доме своей английской тетушки, старшей сестры матери.

Училась я в московской женской гимназии, потом посещала фребелевские педагогические курсы "Общества учительниц и воспитательниц детских садов". В 1910 году мое образование закончилось.

Строки (по-русски) я начала писать более-менее всерьез (сочиняла в рифму я всегда умела, с раннего детства, но сама не отдавала себе в том отчету) в 1907 году. Я написала на протяжении моей жизни около 200 русских стихотворений. Эти свои стихи я никогда не публиковала, лишь в 1919 году в Москве часть из них увидела свет в отдельной книжке "Минуты". Я написала поэмы также несколько рассказов, которые тоже не изданы. Помимо этого, я всегда любила переводить стихи и перевела много из английской поэзии.

С 1907-1908 годов мне случалось часто бывать среди евреев - в доме одной еврейской девушки, соученицы по гимназии, - и так началось мое знакомство с еврейским миром, и возник интерес к языку иврит. Сначала я словно в шутку выучилась читать на идише, мне это было нетрудно, потому что я немного знала немецкий, а буквы выучила по учебнику ивритской грамматики на немецком языке, который принадлежал моему брату, специалисту по восточным языкам. При чтении книг на идише мне попадались непонятные ивритские слова, которые возбудили мой интерес и желание узнать их в подлиннике. Сразу после этого я начала учить иврит на вечерних уроках "Общества любителей древнееврейского языка" в Москве (в 1913 году). Я училась там два года, но по разным причинам учеба многократно прерывалась, порой надолго. Больше я иврита никогда регулярно не изучала, и все мои знания почерпнуты из чтения книг и устных бесед.

Елизавета Ивановна не была красивой, не умела блистать и покорять. Было в ней очарование провинциальной русской девушки, мечтательной, неброской, удумчивой и серьезной. Ее молодость пришлась на трудные годы ломки устоев, войн и революций, с одной стороны, а с другой - поразительного, уникального взрыва литературной творческой деятельности в России. Но беда в том, что ее собственное дарование на этом фоне кажется слишком бледным, ανεπισημο, чтобы встать рядом даже с именами меньшими, чем Ахматова или Цветаева. А тут, бок о бок с ней, зарождалась новая культура - еврейская, и казалось - ей принадлежит будущее. У Жирковой, как признавалась она много позднее, не было своего круга, и вдруг возникла возможная обрести красивую мечту и новую достойную среду. Еврейское возрождение выдвело ее в романтический ореол, как единение с детства почитаемой библейской древности и самых дерзновенных планов. Она нашла для себя образ, который манил необычайно - образ моавитянки Рут, или Руфи, слышавшей с еврейским народом. Вот как стихотворением открывался ее второй сборник на русском языке «Тайные песни», вся тематика которого была еврейской:

*Народ твой - мой народ,
И Бог твой - мой Бог.
Книга Руфи, гл. 1, ст. 16.*

Взяли сердце мое и закинули в даль,
Подружили с чужою печалью,
И источник мне сердце чужая печаль -
Только даль все отдалось далью.
Я чужая своим - а чужим не нужна,
И не смею назвать их своими:
Никогда не падёт вековая стена,
Лишь печалью своею я с ними...

Это только две начальные строфы стихотворения. Поэтесса пророчески предсказала себе судьбу. Она, вопреки эпитафие, не сделалась еврейкой, никогда не высказывала желания сменить веру, даже когда в 1921 году вышла замуж за сиониста Шимона, или Семена Львовича Быховского. Быховский был другом Иосифа Хаима Бреннера и Ури Нисана Гнесина, он деятельно помогал распространять в России брениеровский журнал «Ha-Meorer». Как и почти все еврейские литераторы и деятели новейшей культуры того времени, Быховский был светским челове-

ком, и все же смешанные браки в сионистских кругах заключались в ту пору нечасто. Вот как сказала об этом несоветник Элишева:

*В субботний час мне свеч не зажигать;
В час сумерек задумчивый и ясный
Приход царицы тихой и прекрасной
Мне радостной молитвой не встречать!
В ту ночь, когда встречает мир весну,
Не помнить мне древними словами
Тех, кто пошли в далёкий путь рабами
И обрели - свободную страну.
И тот, кому душа принадлежит -
Избранник мой пред Богом и пред светом,
- Моей руки с торжественным обетом
Серебряным кольцом не освятит!...*

Издательство «Галица», выпустившее в 1918 и 1919 годах две книжки русских стихов Элишевы, было издательством ее будущего мужа, а с 1920 года в еврейских периодических изданиях начали регулярно появляться ивритские стихи поэтессы, которая подписывалась еврейским эквивалентом данного ей при крещении имени. Ряд публикаций сопровождала биографическая справка, представлявшая Элишеву как культурное чудо. Она становилась известной.

В 1925 году супруги Быховские покинули Москву и вместе с маленькой дочкой Мэри Литл переехали в Палестину. Правды ради следует сказать, что Элишева не чувствовала радости материнства, роль матери тяготила ее. Не семейный очаг, но богема, интеллектуальное общение, творчество и мечты, грезы влекли ее. Оттого почти все героини ее рассказов - а их у нее около десятка - мечтательницы, живущие в своем воображаемом мире, тогда как реальность всякий раз вынуждала их идти на нелегкий компромисс. Но о прозе Элишевы я скажу чуть ниже, а пока посмотрим, как встречали ее в Эрец-Израэль.

С первых же дней пребывания в Палестине в Иерусалиме и Тель-Авиве с большой помпой прошли устроенные в ее честь вечера: весь сионистский бомонд собрался посмотреть на эту удивительную женщину, послушать ее стихи и лекции об ее творчестве (в Иерусалиме с такой лекцией выступил Иосеф Клаузер). Ее приезд и литературное турне по стране освещали местные газеты. Приведу выдержку из отчета о вечере в «Народном доме» в 1926 году в Тель-Авиве (*перевожу с иврита, сохраняя патетику тех лет*):

«Образ облученной в белое и взойшедшей на экране - черном занавесе - поэтессы предстал перед публикой, слишком многолюдной для голоса серебряного колокольчика, более подобающего поэтиной. Она читала свои стихи, впрочем, уже опубликованные, но по сути неотъемлемые от нее самой, светлой и чистой, стоящей здесь недвижимо, и лишь шеплет ее уст звучит поэзией».

Однако интерес публики объяснялся не только любопытством. Успеху Элишевы не в последнюю очередь способствовало то обстоятельство, что она, как, впрочем, и поэтесса Рахель, с самого начала писала стихи, пользуясь новым видом произношения, тем же, что и мы сегодня, тогда как поэтам «Бялковской плеяды» удалось перейти к ашкеназскому ивриту на эрец-израэльский лад в начале 30-х годов.

Но «славой не прожигшие, поэты должны еше и кушать», - как с горечью замечал Черниковский. Элишева предположила жить литературным трудом. Семья ее поселилась в Тель-Авиве, и Быховский сразу приступил к созданию издательства. Оно называлось «Томер»: на его издательской марке красовалась пышная пальма. Быховский, как кажется, печатал только произведения своей жены - малосенские поэтические сборнички «Чашечка» или «Рюмочка», и «Стихи», но возможно и «Бусинки», и даже «Четки», книжки рассказов и длинную повесть «Переулки» (1929), которую иногда называют романом. Книги хорошо раскупались, и тираж неоднократно пополнялся за счет переизданий, но разбогатеть на книготорговле в Палестине 1920-х годов было невозможно.

Другой статьей дохода были литературные вечера, организовать которые помогали прежние друзья мужа. Элишева многократно отправлялась за границу, связывая города и городки Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, а в 1928 году выступала перед еврейской публикой в Париже. Вечера проходили с успехом. Обычно программа была составлена следующим образом: местный деятель еврейской культуры представлял Элишеву публике, затем она читала свои стихи, кто-то читал ее стихи - не обязательно те же самые - в переводе на язык места (её поэзию тогда обильно переводили на самые разные языки), затем исполняли романы на ее стихи, например, на музыку Юлия Энгеля, и в заключение снова выступала Элишева.

Во время ее поездок девочка оставалась с няней. Иногда Элишеву сопровождал муж, но часто дела издательства вынуждали его оставаться дома. Супружество с самого начала было в известной степени компромиссом со стороны Елизаветы Ивановны. Быховский несколько лет уговаривал ее, пока она соглашалась выйти за него. Со временем отношения не улучшились, хотя она была к нему по-дружески привязана и неизменно испытывала благодарность. Как явствует из ее писем, она часто бывала в кого-нибудь влюблена, и эти гимназические влюбленности питали ее творческое воображение, вовсе не ища воплощения. Главным для нее было - писать, но поэтическое дарование Элишевы и на иврите не было особенно ярким. Молода на нее скоро прошла, доходы семьи сокращались, росли долги, отношения между супругами делались все напряженнее. В 1932 году Быховские отправились в Кишинев, где Элишева еще не бывала, но еврейские активисты публике не собрали. И там неожиданно умер ее муж, а вдова с дочкой вернулась домой. Только прочтя письма Элишевы, я догадалась, что он покончил с собой.

Цикл радиолекций "Российские евреи - ивритские писатели"

Д-р Зоя Копельман (Иерусалим)

Дальше начался длительный беспрепятственный кошмар. Ей пришлось выплачивать долги издательства, она и Мира - так звали девочку по-еврейски - вынуждены были перебраться в беднейший квартал Тель-Авива, замкнулись в своем горе, в своем оскорбленном достоинстве. Сколько раз писала она и Бялку, и другим важным в литературных кругах лицам, предлагая выпустить готовый уже сборник новых стихов. Как правило, ей даже не отвечали. Изредка подворачивались переводы с английского на иврит, но на хлеб насущный она зарабатывала услугами правки.

Об Элишеве словно напрочь забыли, а вспомнили по-настоящему только тогда, когда жить ей оставалось немного: в 1946 году стараниями преданных ей писателей было издано собрание ее стихов 1922-1928 годов и устроен вечер по случаю выхода книги. А 27 марта 1949 года она умерла. Ее похоронили возле озера Киннерет, рядом с могилой поэтессы Рахели.

О судьбе ее дочери рассказал в 1969 один бывший журналист Мордехай Гемпель. Вот отрывки из этого рассказа (*перевожу с иврита*):

«Ее единственным утешением в жизни была дочь Мира, со временем - отличница в гимназии "Гертия"... Эта единственная ее дочь во время войны записалась добровольцем во вспомогательную женскую часть британской армии А.Т.С. (Auxiliary Technical Service) - и мать снова осталась одна...»

Между одним командантским часом и другим, в дни военного положения и провоза британской полицией, в глазах которой любое движение по дорогам выглядело подозрительным, мы ходили к Элишеве пешком от района, где размещалась фабрика "Элит" в Рамат-Гане, чтобы поддержать ее в ее нужде, хоть как-то помочь ей, подобрать, дать выжить накопившейся в ее сердце горечи и ощущению отверженности - тогда это слово еще не было в ходу - чуждым, недружелюбным окружением.

В тот год я писал об Элишеве <>. Престарелая поэтесса просила меня послать мои публикации о ней ее дочери, госпоже Литл, живущей в Лондоне, после того, как в дни войны она познакомилась в Египте с британским солдатом и вышла за него замуж...»

Я посвятила статью поэзии Элишевы и показала, что ее кратковременный успех был неслучаен, но этот анализ выходит за рамки короткой радиопередачи. К сожалению, почти нет удачных переводов ее ивритских стихов. Пожалуй, можно прочесть стихотворение «На берегу Киннерета» в переводе Лии Владимировой, хотя оригинал несравненно лучше, в первую очередь, фонетически:

Волна, шепчась с волной, почти уснула,
Киннерет отдыхает, тишина,
Вот чайка белокрылая блеснула,
Как тень, на миг в волнах она мелькнула,
Вот в сердце песни дрогнула струна.

А зеркала серебряные дышат
В оправе гор, что высются вдали,
Глядят на небеса, шурша все тише,
И шепчется - хотя никто не слышит -
О мирозданье, таинствах земли.
Нет, здесь не буду петь. Я не прерву словами
Прекрасного волнения полусна.
Одна, между водой и небесами,
Сроднясь с возлюбленными берегами,
Сижу, скитаями сыта сполна.

Мне хочется подробнее остановиться на прозе Элишевы. Она почти всегда в той или иной степени автобиографична, и, тем не менее, один рассказ не похож на другой. Ее сюжеты то строятся на болезненной конфронтации двух миров - еврейского и нееврейского, вплоть до веры в кровавый навет. Таковы рассказы - «Еврейская царица» и «Незначительное происшествие». Но есть и рассказ о красоте еврейской традиции - «Субботние свечи», где, как видно, она описала свои чувства и юноеское влечение к еврейству, с которого и началась ее «еврейская» жизнь.

Элишева была одним из первых серьезных литературных критиков на иврите. Ей принадлежат первое на иностранном языке исследование творчества Ахматовой, а также работы о Блоке и о современных ивритских поэтах и писателях.

Уникальной по теме и стилистике в ивритской литературе является ее книга «Переулки» - длинная, около 400 страниц, повесть о московской литературной богеме в начале 1920-х годов - еврейх и нееврейх. В центре повествования - молодая и не слишком талантливая русская поэтесса Людмила Вивьен, которую Элишева наделяла внешностью, прямо противоположной себе, тогда как ее духовный облик чрезвычайно напоминает мне автора. Вивьен живет на содержании у сотрудника Наркомпроса, ходит на литературные вечера и вечеринки и на одной из них знакомится с Даниилом Ройтером, который пробуждает в ней живое чувство. Чтобы продлить общение с молодым человеком, она начинает брать у него уроки иврита. Постепенно между ними возникает чувство душевного родства и романтического влечения, однако у него есть, и дальнейшее сближение невозможно. Зато благодаря этому знакомству и пылким речам Ройтера о своем древнем возрождающемся народе Людмила меняет взгляд на окружающее и понимает, что надо, во что бы то ни стало эмигрировать из Советской России, что и делает.

Элишева начала работу над «Переулками» еще в Москве, а завершила в Тель-Авиве. В конце жизни, когда настоящее стало чужим, и не было рядом родной души, прошлое обступило ее - она начала писать на иврите мемуарные заметки и переводить «Переулки» на русский язык. Для кого? Может быть, для нас.

(*Окончание. Начало в №126-127*)

¹ Элишева. Моя биография // Ктувм ("Писания") по вопросам культуры, литературы и искусства. Издается Союзом ивритских писателей в Стране Израэль). № 6, 27.08.1926. Тель-Авив. С. 1. Перевод с иврита мой. ² Еврейская религиозная традиция персонафицирует Субботу как Царицу, чей приход с наступлением темноты в пятницу вечером торжественно отмечается зажиганием субботних свечей, особыми молитвами и праздничной трапезой.

³ В ритуале еврейского бракосочетания жених надевает на палец невесты серебряное кольцо и произносит слова: "Вот, ты посвящаешься мне..."

Роман Томаса Манна "Юный Иосиф"

Мы с вами на пути от первого романа "Былое Иакова" ко второму - "Юный Иосиф". В 1942 году, когда уже была завершена почти вся тетралогия "Иосиф и его братья", Томас Манн вспоминал:

"Я до сих пор помню, как меня позабыли и каким лестным комплиментом мне показались слова моей мюнхенской машинистки, с которыми эта простая женщина вручила мне перепечатанную рукопись "Былого Иакова", первого романа из цикла об Иосифе. "Ну вот, теперь хоть знаешь, как все это было на самом деле!" - сказала она. Это была трогательная фраза..."

Начинается роман "Юный Иосиф" с маленького трактата "О красоте". Томас Манн пишет:

"Сказано так: Иосиф, семнадцати лет, пас скот вместе с братьями своими, будучи отроком, с сыновьями Валлы и с сыновьями Зельфы, жен отца своего. Это верно, и если в Прекраснословной Беседе прибавлено далее, что он доводил худые о них слухи до отца их, то нам известны тому примеры. Нетрудно найти такой угол зрения, при котором он предстал бы несносным малым. Такова и была точка зрения братьев. Мы не разделяем ее, вернее, приняв ее на мгновение, тотчас же от нее отказываемся, ибо Иосиф был чем-то большим..."

Иосифу было семнадцать лет, и в глазах всех, кто видел его, он был красивейшим из детей человеческого."

Мы с вами хорошо помним, что было потом по книге Бэрэшит: братья, обиженные и даже оскорбленные унижающими их снами Иосифа, жестоко расправляются с ним. Вот как это описано в простодушном письме в романе современного писателя Людмилы Улицкой "Даниэль Штайн, переводчик":

"...я успела посмотреть... еще одно потрясающее место в направлении города Шхема. Там пасли скот братья Иосифа, он их сначала не нашел, а потом нашел, и они сбросили его в сухой колодец, разлившись на него за толкование сна. Даниэль показал нам такой сухой колодец. Возможно, тот самый. Километрах в двадцати есть еще один сухой колодец, и скорее всего именно в этом или очень похожем месте... они его вытащили из колодца и отдали проходящим купцам. Неподалеку, по дну высохшего русла - вади - проходил караванный путь. То есть вся история, которая описана сначала в Библии, а потом у Томаса Манна, просто буквально вот здесь происходила. Купцы купили Иосифа как раба, это стоило на современные деньги гораздо меньше, чем сегодня стоит овца, и отвезли в Египет. Вот такая история. А эта караванная дорога местами еще видна. Там же, возле сухого колодца, мы встретили двух арабских мальчиков, которые пасли коз..."

Вот такая простодушная и наивная современная страница в этом известном романе Людмилы Улицкой. Я уверен, что эта страница тоже поможет нам задуматься над библейской историей Иосифа и над ее интерпретацией у Томаса Манна.

Да, мудрая история Иосифа склоняет нас к размышлению вообще о жизни. Мы начинаем понимать, что без жестоких ударов судьбы способный, но избалованный юный Иосиф не стал бы тем человеком, тем Иосифом, каким мы его знаем и помним.

Не первый раз задумываюсь над тем, что же и для чего же сделал Томас Манн в своих четырех романах об Иосифе, - что сделал из маленькой по объему незабываемой истории из Бэрэшит?.. Да, еще великий Гете считал, что эту историю надо написать намного подробнее. Я передаю мысль, смысл, а не слова. Томас же Манн вошел в литературу в самом конце девятнадцатого века, когда уже были Достоевский и Лев Толстой достигнуты, открыты великие психологические романы. Но сложность и трудность состояла в том, что Томасу Манну необходимо было опираться на древний самобытный библейский мир.

Я остановлюсь на последнем разделе романа "Юный Иосиф". Этот раздел называется "Растерзанный". Речь идет о сообщенной Иакову якобы смерти его сына Иосифа. В этом разделе свыше тридцати страниц и три главы: "Иаков скорбит об Иосифе", "Искушение Иакова" и "Привыкание". А вот тот маленький текст в Бэрэшит, на который опирался писатель Томас Манн. Речь о том, что придумали и что сделали братья Иосифа после того, как его продали купцам-ишмаэлятям.

"И взяли они рубашку Иосефа, и разрезали козленка, и обмакнули рубашку в кровь, и послали разноцветную рубашку, и принесли их отцу, и сказали: это мы нашли, узнай же, сына ли твоего эта рубашка или нет? И он узнал ее, и сказал: это рубашка сына моего, хищный зверь его съел, о, растерзан, растерзан Иосеф! И разорвал Иаков одежды свои, и оплакивал сына своего многие дни. И стали все сыновья и все дочери его утешать его, но он не принимал утешения, говоря: сойду к сыну моему в могилу. И оплакивал его отец".

Вот весь текст, на который опирался Томас Манн в разделе "Растерзанный". Первая глава раздела "Иаков скорбит об Иосифе" исходит из этого маленького фрагмента из Бэрэшит, а другие две главы - "Искушение Иакова" и "Привыкание" - это уже "психологические" решения Томаса Манна.

Давайте притронемся к этим последним главам романа "Юный Иосиф" и попытаемся почувствовать их библейский мир, их библейскую стихию.

Открываю том на интересующем нас разделе "Растерзанный". Под растерзанным в данном случае разумеется не Иосиф, а, конечно, его бедный отец Иаков. Между прочим, в каждом из четырех томасманновских романах всегда ровно семь разделов - то самое библейское число семь... Да, так открываю на нужной странице роман и замечаю на полях пометку "Слово и знак" - это рукой известного стиховеда П.А. Руднева написано. Действительно, мой друг Петр Александрович читал мой экземпляр романа, и его,

понятно, заинтересовали рассуждения Томаса Манна о слове и знаке, где под знаком подразумевалась разорванная и залитая кровью рубашка Иосифа. Ведь такой знак страшнее любых слов. Томас Манн пишет: "Сосредоточенная его жестокость не допускает никаких отсрочек и никакого самообольщения. Он недвусмыслен, и ему не нужно становиться реальностью, потому что он сам - реальность."

... Иаков при виде платья, как того и ждали, упал без чувств, факт подлинный. Никто, однако, не видел, как это произошло, ибо, отбубнив свою небылицу, дофанские жители, два бедняка, которые за небольшую толику шерсти и простокваши тупо согласились изображать нашедших остатки одежды Иосифа, не стали дожидаться, какое действие окажет их ложь, и тотчас дали тягу".

Читая Томаса Манна, мы, конечно, не можем забыть, что он - писатель двадцатого века и что психологический роман - это его стихия. Мы читаем у Томаса Манна:

"Хорошая вещь обычай, благотворно размеряющий предписаниями веселье и горе, чтобы они не буйствовали, не выходили из берегов, а твердо держались четкого русла. Иаков тоже чувствовал полезность и благодатность связывающей традиции, но внук Авраама был слишком самобытной натурой и слишком живо связывалась у него общее чувство с личными мыслями, чтобы он удовлетворялся однообразными формулами. Он говорил и плакал также свободно, не по чекану, и при этом тоже Елизер вытирал ему лицо, вставляя иногда слова успокоительного одобрения или предостерегавшего несогласия."

- То, чего я боялся, - бормотал Иаков слабым от горя голосом, - меня постигло, и то, о чем я тревожился, произошло! Нет, нет, нет, нет, это непостижимо уму, чтобы действительно случилось то, чего ты боялся. Если бы это меня не тревожило, если бы это страшилось неожиданно, я бы поверил, я бы сказал своему сердцу: ты было беспечно и не предостерегло зла, потому что ты вовремя не углядело его. Понимаешь, неожиданному можно поверить. Но когда сбывается то, чего ты опасался, когда оно все-таки осмеливается сбываться, это, по-моему, ужасно..."

И, конечно же, у Томаса Манна в этой страшной ситуации в словах бедного Иакова не могут не звучать мотивы Иова.

"... Вот я сижу среди мусора, лицо мое побагровело и расплупло от плача, и по щекам моим, смешиваясь с слезами, текут слезы..."

- Вот оно, Елизер, гляди - разноцветное платье, локмотья покрывала! Я поднял его в спальне с лица любимой и праведной и протянул ей цветок моей души. Но потом оказалось, что это была не она, что Лаван перехитрил меня, и душа моя долго чувствовала себя несказанно поруганной и растерзанной, - по-



куда праведная в жестоких муках не принесла мне моего мальчика, Думузи, мое сокровище. А теперь растерзан и он, и убила отрада моих очей. Можно ли это понять? Приемлемо ли оно, такое испытание? Нет, нет, нет, я отказываюсь жить. Я хочу, чтобы душа моя удавилась и умерли эти кости!

- Не греши, Израиль!

- Ах, Елизер, не тебе учить меня бояться Б-га и преклоняться перед Его всемогуществом!.."

А какие, словно это Иов, говорит Иаков дерзкие слова Б-гу, какие это страшные и невозможные слова:

"... я не мог бы возложить на него дрова для всеожжения и, взяв его за руку, понести огонь и нож. О Елизер, я честно и сокрушенно признался Б-гу, что на это у меня не хватило бы силы. Ты думаешь, Он милостиво принял мое смирение и сжалился надо мной из-за моего признания? Как бы не так! Он даже глазом не моргнул и сказал: "Да случится то, чего ты не в силах сделать, и если ты не можешь это сделать, Я возьму это Сам". Вот что такое Б-г..."

Да, Томас Манн придал черты Иова своему Иакову!

И еще Томас Манн как бы исследует две вины: и братьев, и самого Иакова. В чем вина Иакова? В том, что именно он, отец, своей безудержной любовью избаловал юного Иосифа. Я вам напомню некоторые размышления писателя по этому поводу. Вот что пишет Томас Манн:

"Они были связаны друг с другом в Б-ге и в Иосифе, и если сначала было великой мукой жить вместе, то они приняли эту муку как искупление, Иаков и его сыновья. Ибо сыновья знали, что они сделали, и если за ними была вина, то и отец тоже сознавал за собой вину."

Время, однако, шло, заставляя их свыкнуться со своим положением. Оно притупило бурное недоверие во взгляде Иакова и позволило братьям знать не так уж точно, что они сделали..."

А как мудро и даже немного лукаво завершает Томас Манн этот второй роман цикла "Юный Иосиф", - завершает как бы обращением к Иакову:

"Ах, благочестивый старик! Знал ли ты, какая поразительная прихоть кроется вновь за молчанием твоего на диво величавого Б-га и какое непостижимое блаженство растерзает твою душу по Его воле! Когда ты был молод плотью, одно утро обратило твое глубочайшее счастье в обман и безумье. Тебе суждено стать очень старым, чтобы узнать, что точно так же обманом и безумьем была и твоя тягчайшая скорбь".

Так заканчивается роман "Юный Иосиф". А нас ждет третий роман цикла "Иосиф в Египте".

Иосиф Гин
(Продолжение. Начало в №№ 125, 126)

Ту би-Шват - Новый год деревьев

1. Новый год для урожая с деревьев

В еврейском календаре несколько "новых годов". Осенью мы празднуем Рош ха-Шана - счет годов от Сотворения Мира. Весной, в месяц Нисан - начало цикла месяцев. Зимой же, 15-го числа месяца Шват - новый год для урожая с деревьев. (Число "15" изображается в иврите буквами тет-вав, поэтому 15 Швата = тет-вав би-Шват, что произносится как Ту би-Шват.) До этой даты обычно выпадает большинство дождей, поэтому она отделяет урожай одного года от урожая другого года, чтобы мы могли отделить "маасер" - "десятину" для каждого года отдельно.

2. Ту би-Шват установлен Мудрецами для отделения урожая одного года от урожая другого

Праздник 15 Швата не упомянут в Торе. Он установлен Мудрецами для отделения урожая одного года от урожая другого. Тора предписывает каждому еврею ежегодно отделять десятину от урожая плодов в пользу священников и левитов, занятых службой в Храме, а также в пользу бедных. Поскольку такое действие должно производиться ежегодно, то запрещено отделять десятину от урожая одного года в счет десятины от урожая другого года. Поэтому возникла потребность в установлении начала Нового года для деревьев.

В Земле Израиля главным фактором, влияющим на урожай деревьев, являются зимние дожди, поэтому праздник Ту би-Шват связан с окончанием зимы, сезона дождей. Наши Мудрецы, хорошо знакомые с земледелием Страны Израиля, пришли к выводу, что 15-е число месяца Шват является той пограничной датой, когда большинство зимних дождей уже выпало, и поэтому начиная с этой даты урожай относится уже к следующему году.

3. Отделение десятины

Тора повелевает нам отделять "десятину" от урожая поля и сада в Земле Израиля и отдавать ее левиту, пришельцу, бедняку, сироте и вдове - "дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которое ты будешь делать" (Второзаконие 14:29). Смысл этой заповеди в том, чтобы мы не чувствовали себя единственно полноправными владельцами Земли Израиля. Еврей должен чувствовать, что действительным хозяином этой земли является Всевышний, а сам он - только пользователь, арендатор, которому эта земля передана для обработки. И собрав урожай, он должен часть его возвратить хозяину - т.е. использовать десятую долю своего дохода для осуществления Божественных принципов на земле: обеспечения службы в Храме и установления социальной справедливости.

4. Семь видов плодов Земли Израиля

В праздник Ту би-Шват устраивают праздничную трапезу с "семью видами плодов Земли Израиля", перечисленными в стихе Торы: "Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю хорошую, в землю пшеницы, и ячменя, и виноградных лоз, и смоковницы, и гранатовых деревьев, в землю масличных деревьев и финикового меда" (Второзаконие 8:7). Каббалисты Цфата в 16 веке установили в Ту би-Шват даже особый "седек" - трапезу, в которой ели всевозможные фрукты и пили вино, и читали Библейские отрывки, прославляющие Землю Израиля.

5. Традиция сажать деревья

В Ту-би Шват принято сажать деревья. Это сравнительно новая традиция, возникшая в конце прошлого века, когда первые еврейские поселенцы начали прибывать в страну Израиля, чтобы восстановить здесь еврейское присутствие. Страна была тогда разрушенной и пустой, она еле могла прокормить своих немногочисленных обитателей. Все "трезво мыслящие экономисты" предсказывали тогда, что массовая алия невозможна, ибо "столь маленькая страна не в состоянии вместить так много народа". Но евреи посадили эвкалипты и осушили болота, посадили леса и провели воду, устроили поля и фруктовые сады. Земля расцвела, и урожая - так же, как в древности, - стало хватать на всех. Земля Израиля хранила верность еврейскому народу, она не давала урожая чужеземцам, которые лишь временно владели ею. В Талмуде наши Мудрецы сказали: "Нет признака приближающегося избавления более очевидного, чем рассвет страны Израиля, как сказано у пророка Исхезкиэля (36:8): "А теперь, горы Израилевы, вы ветви свои распустите, ибо ваши плоды будете приносить народу Моему, Израилю, ибо вот он приближается". Поэтому многие религиозные сионисты считают нынешний сельскохозяйственный рассвет Земли Израиля важным указанием на то, что мы действительно живем в эпоху мессианского процесса.

П.Полонский

Наша кухня



Фаршированная рыба

Рыба - 1 кг, лук - 50 г, молоко - 50 г, булка - 50 г, морковь - 50 г, яйцо - 1 штука, соль и перец по вкусу.

На дно кастрюли: лук - 2-3 головки, морковь - 3-4 штуки, свекла - 2 штуки средних по величине, соль по вкусу.

Готовится из крупной рыбы (щука, карп, треска). Рыбу очистить от чешуи. Не делая продольного разреза, разрезать рыбу на крупные куски. Выбрать внутренности и острым ножом вырезать мякоть у позвоночника. Рыбное филе пропустить через мясорубку вместе с сырым луком и замоченной в молоке булкой. В этот фарш добавить яйцо, соль и перец. Заполнить фаршем куски рыбы. На дно кастрюли уложить - кольца репчатого лука, ломти свеклы и моркови, на них уложить рыбу и залить холодной подсоленной водой так, чтобы рыба была почти закрыта. Варить при открытой крышке 1-1,5 часа. Готовую рыбу выложить на блюдо, украсить ломтиками моркови, залить процеженным соусом.

Рулет из фаршированной рыбы с омлетом

Рыба - 1 кг, булка - 50 г, молоко - 100-200 г, 6-7 яиц, лук - 70 г, морковь - 50 г, свекла - 30 г, сливочное масло - 50 г, соль, перец молотый по вкусу, щепотка шафрана.

Рыбу очистить от чешуи, разделить на крупные куски, не делая продольного разреза. Вынуть внутренности из каждого куска. Острым ножом вырезать мякоть у позвоночника.

Полученное рыбное филе пропустить через мясорубку с сырым луком и замоченной в молоке булкой. Смешать всё с сырым яйцом, посолить и поперчить. На масле поджарить омлет из 5-6 яиц. На марлю уложить слой фарша, сверху него омлет, с помощью марли свернуть всё рулетом и варить до готовности 45 минут. Затем осторожно вынуть из воды, развернуть из марли и нарезать на порции.

Подавать с огуречным салатом.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**ЕСЛИ ВЫ НЕ ВОСПИТЫВАЕТЕ
СВОЕГО СЫНА ЕВРЕЕМ,
ВЫ ЛИШАЕТЕ ЕГО СИЛЫ,
КОТОРАЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
ЗАМЕНЕНА НИЧЕМ.**

Зигмунд Фрейд

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

**ГОРНУЮ
Виулену Арнольдовну
КАПАРОВСКОГО
Гершена Лейбовича
ХАЗАНОВИЧА
Владимира Беровича**

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: tait@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой
"Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.